

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ТРЕТЬЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1923 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

ВАЖА ПШАВЕЛА

ГОГОТУР И АПШИНА

(Эпический сказ)

I

Говорят, из Блоя Апшина,
Из семейства Мшнотаури,
Без помехи крал, разбойничал
Под защитой брони кованной.
Он добром наполнил горницу,
Словно хан, казной-поборами.
Гоготур сильнее Апшины,
С ним и Апшина не справится, —
Он мизинцем бросит Апшину
Через скалы островерхие.
Говорил царь слова крепкие:
«Гоготур мне стоит тысячи,
Он один зерно отборное
Среди тысячи дружинников».
Мощью дышит он чрезмерною,
Как волна размывчивый песок,
Гонит он бесчисленных врагов,
А в бою Гоготур, как смерть, велик
И, как смертный час, суров и строг.
На врагов он наводит страх,
Словно ангел смерти Азраил.
Опрокинет он врагов отряд,
Как течение лодку утлюю.
Ах, щадят, должно быть, воина
Херувимы покровители!

Сколько раз его упрашивал
 Царь: «Иди ко мне на царский двор»,
 Неизменно отвечал герой: —
 «Царь, в долине мне дышится,
 Горный ветер мне лицо свежит.
 Сердце плачет, словно женщина,
 Хлеб здесь — камень и вода горька.
 Вся в огне душа заклятая!
 На уста печать положена,
 И педугом тело схвачено».
 Гоготуру так мучительно,
 Что не слышен здесь войны рожок.
 На исходе и кончается
 Ароматное двухвесенье,
 Не сидит он дома в праздности,
 Землю пашет и работает.
 Говорит, не миновать войны,
 А теперь пора косе гулять.
 То, что добыто разбойми,
 Никогда не тешит досыта,
 И никто не помнит в Пшавии
 Громовых раскатов голоса,
 Чтобы он прямым разбойником
 На дороге стал кому-нибудь.
 Он возьмет чшвару рослую,
 На плечо положит запросто
 И, попыхивая трубкою,
 Во свояси возвращается,
 И домой приходит в сумерки,
 К очагу садится дымному,
 Чтоб развлечься, понемножечку
 Длинный свой чубук потягивает,
 Иногда бандуру пробует,
 Быстро щиплет струны пальцами,
 Иногда горланит песенку —
 Лишь бы притолка не рухнула,
 Иногда ногою топает —
 Вся окрестность с ним приплясывает.

II

Есть старинная пословица:
 Коль дерзка бывает женщина
 И на ветер сердце бросила,
 Ум от страсти улетучится.

Говорит слова бесстыжие,
 Одурелая и шалая,
 Все покроет мужним именем.
 Ни о чем другом не думает.
 Пусть у мужа совесть, как ночь, черна,
 Пусть он смело грабит проезжий люд,
 Лишь бы только он мечем владел
 И держал ружье в руках,
 Лишь бы он жену сумел одеть
 В платье шелковое красное.

.
 К Гоготуру пристаёт жена:

— «Для чего тебе осинный стан,
 Чтобы вечно раскорякою
 Дома дрыхнуть, как горячечный?
 Для чего тебе стальной убор,
 Меч проклятый, без зазубринки,
 Заповедной кровью смоченный,
 Истреблять людей приученный?
 Посмотри, слеза обидная
 Каплет с губ суровых лезвия!
 Вспомни о разбойном промысле
 И промысли жизнь счастливую,
 Поруби ты хистам головы,
 На хевсуров наложи оброк, —
 Говорят люди, копь Ашшины
 Чепраком покрыт серебряным».
 — «Что ты мелешь, баба глухая,
 Без понятия, необдуманно!
 Если делать тебе нечего,
 Ты бы мне о том поведала.
 Сразу жизнь мне опостыляет,
 Если буду сыт чужим добром.
 Ты не суй свой нос, безродная,
 В дело честное, булатное.
 Твое дело веретенное,
 Веретенное — чулочное.
 Лишь тогда увидит пашка свет,
 Если близко, близко вражий меч.
 Не звучал еще в долине царский рог:
 «Эй, шпавелы, нас сжимает враг!
 Собирайся, верный мой народ,
 Люди прочные, военные.
 Пусть ведет дружину Гоготур.
 Он еще довольно молодежав».

А до этого я красную росу
 Запрещаю моему мечу.
 Уж не я ли на боку лежал
 В дни кровешные, татарские!
 Я врага приветил издали,
 Как жирафа тигр, приветливо...
 Изрубил я в битве девять мечей,
 А десятым бел-костяной кинжал.
 Если ты не ведьма чарая,
 Что ты хочешь злоязычища?»
 — «Я скажу тебе, бессовестный:
 Ты в семье обуза тяжкая,
 На какую не потребуют
 Спины битые, татарские.
 Из войны ты много выгоды
 Вынес, кроме ран полученных?
 Коли сыт ты добрым именем,
 Ну и лопай свои подвиги». —
 Гоготур герой печалится,
 Меч рукой тихоцько трогает,
 И корой лафани нежною
 Крепко стан свой препоясывает.
 Перекинул щит через левое,
 А на правое плечо взял пищаль свою,
 Словно дерево огромное,
 На подъем чрезмерно трудную,
 И жене своей ответил так:
 — «Ходоком всю землю выхожу.
 Я сказал и это сделаю:
 Не кручишься, быть по твоему». —
 И пошел обратно к родичам,
 Говорит, смеется в бороду.

III

О ту пору о весеннюю,
 Как фиалка заневестилась,
 Как нагорьями зелеными
 Гор окружность закурчавилась;
 Снег в ложбинках стоял пятнами,
 И земля набухла влагою;
 К зеленым прозрачным тянутся
 Гончьи и оленье головы;

Дуры птицы свистом-щебетом
 Гомонят сильнее прежнего;
 Как Арагва черно-таяя
 Воеет, роется и прядает,
 И с ресниц дремоту стряхивают
 Пробужденные окрестности;
 Воду впитывают трещины,
 Тает лед на горной скатерти, —
 Из за дерковки Копальской — вдруг —
 Человек, как глыба, кряжистый.
 Он ползет, как тяжкий оползень,
 Лицо каменное, хмурое,
 А другой — с горы спускается,
 Он поет, и ржет гора в ответ,
 Он коня слегка подбадривает.
 Кулики пищат болотные,
 Статный конь под ним приплясывает,
 Словно чует победителя,
 А с черкески красной свесилась
 Дашна, солнцем упоенная.
 Гоготур видит Апшина
 И смеется тихо в бороду,
 Вскачь пустился, переводит дух,
 И ругается невежливо.
 Далеко кремневка Апшины
 Заиграла острым лучиком...
 — «Дай мне, пшав, оружие бранное,
 С неуклюжего меч валится,
 Пряמודушен храбрый Апшина:
 Не таится, не подкрадывается.
 Что глядишь ты вопросительно:
 Говорит с тобою Апшина.
 А не то, гляди, потребую
 У меча службу горячую». —
 Гоготур решил: попробую
 Показать жалким Апшине.
 Любопытно, что он сделает, —
 Пожалует ли, помилует,
 Или втопчет в пыль дорожную.
 — «Что ты, брат мой, заговариваешься,
 Я не женщина беременная,
 И меня мать в люди вывела,
 Не в навозной куче няньчила.
 Почему ты хочешь, Апшина,
 Снять с меня оружие бранное?»

Или в бога ты не веруешь!
 Стыд мне застит солнце милое,
 Люди скажут мне: кикимора,
 Быть тебе в лепешку сплюсненным.
 Ты побойся бога, Апшина.
 Брат, зачем тебе мой черный стыд,
 Сбить папаху, пустить по миру
 И позор скормить молве людской?
 Человек ты видный, с именем,
 А со мной враждуешь попусту.
 Не снимай с меня стальной убор —
 Так и быть, начнем речь бранную!»
 — «Пшав, довольно я замешкался;
 Подавай меч, не улещивай.
 Подавай кремневку крепкую:
 У меня пускай погрется.
 За неделю пути горного
 Даже очи обезлюдели.
 Подавай убрапство бранное,
 А не то изволь песок лизать,
 И трепать Арагве каменной
 На порогах твои босточки».
 Дал он меч ему, кремневку дал.
 А последним дал щит выпуклый.
 До уздечки добирается
 Нежный родич, чадо милое,
 Понукает коня Апшина.
 Конь глотнул, как птица воздуха.
 Гоготур герой не выдержал,
 Зароптал, преобразился весь.
 — «Ты звенишь моим оружием —
 Или стыд тебя гнушается,
 За дела твои бесстыжие
 На камнях мозг твой высушить!»
 Вот Гоготур распаляется,
 Повалил, бьет, треплет Апшину.
 Страх стузил на горло Апшине,
 Он лежит туго спеленутый,
 Гоготур ведет речь умную:
 — «Ты хорош ездок, да я строитив.
 Я просил, а ты был глух и черств,
 А теперь твоя кривая шапка мне
 Приглянулась, с ней твой Лурджа конь,
 С ней твой круглый, твой тяжелый щит:
 Зря пыхтел ты под доспехами».

— «Пошадп! — взмолился Апшина,
 Выплюнул язык расщепленный,
 Весь истаял черным-исспня,
 Сохраняя злость дремучую.
 — «Соблазнил я, запутался,
 О тебе слышал сторонкою,
 Думал, ты — ограда ветхая,
 Из камней трухлявых хижина;
 По заслугам ты захвален, Пшав,
 Мощно мышцей ты орудуешь.
 Побратаемся, помиримся,
 И верни мне звон оружия!
 Трудно молвить: слово вяжет стыд;
 Брат, верни мне облик воина,
 А не то спать уложи навек,
 Освежи грудь светлой дашною.
 С легким сердцем разве мыслимо
 Снять с себя ярмо военное?
 На чужих плечах примеривать
 Дашну, меч, убранство светлое?
 Все равно безоруженный
 Герой смертью покрывается».
 — «Поумнел ты поздно, Апшина,
 Вот когда ты образумился.
 Знаешь сам, земля Грузинская,
 Вся как есть, врага чурается,
 А хотел с меня оружие снять!
 Узнаю тебя, безбджника:
 Всюду рыскаешь и нюхаешь.
 Видно ты, хвастун бессовестный,
 Точно крыса поскребущая,
 Черноусая на мельнице.
 Запнулся б ты о голоде,
 Я б тебя утешил досыта.
 Ты на братский меч позарился:
 Видно в бога ты не веруешь.
 Или ты в кувшинах глиняных
 Серебро хранишь военное.
 Если любишь светлой пашки взмах,
 Свист полета, скорость коршуна,
 Посмотри, как темен враг числом.
 Как он борется, упорствует.
 Вдруг тебя облепиг тысяча,
 Бьют тебя и улюлюкают,
 Плечо тает, и ломается

В самом стержне пашка хрупкая,
 Запасную пашку вытащи —
 Побегут враги косулями.
 Ты же дальше их преследуешь,
 Волчьим потом обливаешься.
 Вот и пашки ты сподобишься,
 И папаху свою выслужишь;
 А не то ходи в косыночке,
 Словно баба не умытая.
 Ты встречал людей беспомощных,
 Никогда войны не видевших.
 Закаленный враг железо ест
 И деревья выкорчевывает.
 Мне не надо твоего меча,
 У меня своих достаточно.
 Вот, бери коня, бери доспех,
 Иди с миром, по хорошему,
 Да прошу — коль будешь хвастаться
 Своей удачью военною —
 Мое имя вставить в очередь.
 Да поручится хохматский крест
 И Кошала, драгоценная,
 В том, что ты не скроешь истины
 О своем ярме и выкупе». —
 За плечо приподнял воина
 Из бечевки руки выпростал,
 Приподнялся бедный Апшина,
 Посиневший, весь в слезах:
 — «Ах, не крепок я,
 Пошатнулся я, не выстоял.
 Я теперь пойду в свою избу,
 Головою стены выскоблю...
 Гоготур, дай поцелую в лоб
 За чудесный подвиг ласковый». —
 Обнялись, упрочили союз,
 Апшина бурдюк развязывает,
 Гоготуру указывает честь.
 Им палаткой служит дерево,
 Апшина-друг пенит рог,
 Мощно родича приветствует:
 — «Ты живи, Гоготур, не век, не два,
 А живи пока роса течет,
 А роса течет, пока солнце горит.
 Живи утром, живи вечером,
 Ты живи, покуда лес шумит,

И земля пррует зеленью,
 Ты живи, пока товар возить
 Муравью купцом не будет велено.
 Да почнет сам Лошарский крест
 На твоих желаньях избранных! —
 Гоготур говорит молитвенно:
 — «Да хранит тебя иконы лик,
 Ты героем не прикинулся:
 На язык тебя я пробовал.
 Да избавит бог своих людей
 От вражды и злого шопота
 И да будет им не омрачен
 Братский час веселья общего». —
 Соскоблили, в вино бросили
 С рукоятей пыль серебряную,
 С порошком заветным, дружеским
 Рог совместно опорожнили,
 Друг для друга пели сладостно
 Песни нежные, приятные,
 А потом в разные стороны
 Расходились одиночками.

IV

Темь. В пространстве тают порохи;
 Стерла звуки ночь огромная;
 Дремлет гор семейство темное,
 Изваянье вечной горечи;
 Льдистой митрой удручаются
 Отрешенные от зелени.
 И прозрачны козьи пастбища
 Из гранитной крени выбиты,
 И вскипает злобною пеною
 Черный рев ручья хевсурского.
 А в деревне, за околицей
 Слышно, как в ворота ломятся.
 Ведет тяжбу ядовитую
 Чей-то голос желчью вскормленный:
 — «Будь ты проклята во праотцах,
 Да пригнет тебя хохматский крест,
 Нашла время спать, негодница,
 С глаз долой моих, безродная,
 Где тебе равняться с Ашпиной,

Равнять солнце с хилым месяцем.
 Возьми серебро военное,
 Лошадь сеном не закармливай.
 А случится на рассвете гость,
 Все добро сгребви, отдай ему,
 Пусть седлает моего коня
 Не за пол-цены, без выкупа.
 Разве я не внятно говорю,
 Что ж ты голову повесила?
 Я на поле брошу милый плуг,
 Будет прихоть мне своячницей». —
 Вот пришла беда, скрутила вдруг
 Старшину в Хевсурах знатного.
 Трижды лунный серп истаявал,
 Дома Апшина ворочается
 Слег в постель, вздыхает жалобно,
 Словно плакать ему хочется.
 Все молчит герой обиженный,
 А молчать ему не терпится,
 Язык сохнет, слово просится.
 Отдал лошадь, снял оружие,
 Божьим воином стал храбрый муж.

V

Собирались в Хохмат люди горные,
 Серебро звенит военное,
 У дверей пивоварни топчутся.
 Минди, Мамука врагами богатые
 И Хирчлей переступил порог,
 По заслугам муж захваленный.
 Женщины мужчин сторонятся,
 В черных косынках праздничных,
 Пиво пьют, поют, забор городят
 Из голов бараньих обглоданных.
 Сильными устами молится
 Апшина, хевсурский староста,
 Пред иконой он, как выборный,
 За народ и мир предстательствует:
 — «Охраняет Георгий мученик,
 Дорогие Хевсуры, ваши хижины,
 Подставляет к победе лестницу,
 На задворки смерть выпроваживает.

Говорю вам, победители,
 По земле ходите радостно». —
 До сих пор округа Блойская
 По ночам слышит стон жалобный,
 Добровольно сердце героическое
 Схоронило себя заживо.

Перевел с грузинского

О. Мандельштам.

Важа Пшавела (Лука Разикашвили) род. в 1861 г. и умер в 1915 г. Поэзия Важа — поэзия гор. «Горным орлом» его называют грузины; его пейзажи чарующе своеобразны, нет равных им в грузинской литературе. Но Важа не пейзажист в обычном понимании слова: величественные тени седой старины реют на вершинах и в ущельях, и у самой подошвы его «изумительных» гор; здесь все поражает своей почти первобытной, яфетической — скажем теперь — девственностью: и нравы, и обычаи, и язык. Однако, Важа и не бытописатель: бесстрастное и трезвое описание быта ему и недоступно и непонятно. Изображаемый им мир — причудливый симбиоз реального и ирреального, — и чтобы следить за парением «горного орла», надо знать богатое прошлое этого симбиоза и его отражение в настоящем. Все живет в произведениях Важа: и растения, и животные, и горы, и даже грезы, временами «рыдающие на вершинах гор». А дэви, колдуны, прорицатели и двуприродные, христианско-языческие святые — все они остаются вечными спутниками пшавов и хевсуров. Вот почему в Важе хотели видеть романтика или символиста, окутанного дымкой мистифизма. Но тайного и мистического не существует для нашего поэта, и кажущийся символизм его — лишь бессознательный отклик на зов далеких предков. «Гоготур и Апшина» — одно из лучших ранних произведений Важа. Уже в этой поэме сказалась большой и оригинальный художник, который впоследствии должен был прославить себя «Бахтрионом», «Этери», «Гвелс Мчамели» (Змиед) и другими не менее любопытными лирико-эпическими произведениями. Главный творец его поэмы, — это «мтиульская» речь, речь горцев, которая уже сама по себе — делающая поэма. Стихотворная техника Важа Пшавела не блещет особенной искусностью: инструментовка его однообразная, ритм монотонный, рифмы зачастую бесцветны и небрежны. Но вольный и плавный его язык, его поразительное словарное богатство — явление редкое далеко не в одной только современной грузинской поэзии. Поэт пригоршнями берет из сокровищницы родных ему говоров, берет и слова, и образы, — и естественно, если личное творчество его носит на себе яркий отпечаток «народности». И если Важа можно назвать народным писателем, то исключительно в том смысле, в каком народным называют русские Пушкина, а грузины — Акакия Церетели.

Источник его вдохновения — один из тех уголков Кавказа, где сохранялись семена общечеловеческой культуры и где наиболее прочно сохранились «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой». Народно-национальная поэзия Важа таит в себе начало мировое, общечеловеческое.

К. Дондуа.

